

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

© 2005 С.М. Белякова

Тюменский государственный университет

Термин “картина мира” приобрел в современном отечественном языкознании чрезвычайно большую популярность, что связано с преимущественно этнолингвистической или лингвокультурологической направленностью последнего. Вновь возникший интерес к одной из его вечных проблем – связи языка и познания, языка и мышления – способствовал формированию гносеолингвистики (когнитологии), где данное понятие является одним из ключевых.

Картина мира любого языка неизбежно имеет этнокультурный характер. В пределах одной этноязыковой общности можно выделить ряд КМ, соотносящихся с определенными типами культуры или субкультурами (элитарная, массовая, традиционная, профессиональные) и подсистемами языка (общенациональная, литературная, просторечная, диалектная, жаргонная). При этом диалектная КМ, воплощающая народную культуру, в значительной степени сохраняет “наивный”, эмпирический образ действительности. Это вариант национального образа мира, один из самых значимых для любого этноса. Заметим, что вопрос о возможности моделирования единой для какого-либо языка (в том числе и русского) диалектной картины мира сродни вопросу о реальности или нереальности “диалектного языка”, который широко дискутировался в научной литературе. Однако здесь есть и существенные различия. Если “диалектный язык” является лишь конструктом, а не реальным средством коммуникации, то картины мира разных говоров по причине значительного сходства русских диалектных объединений могут быть весьма близки. Можно согласиться с мнением некоторых исследователей, что “совокупность диалектов представляет собой континуум естественных картин мира на пространстве одного из вариантов языковой концептуализации действительности” [14, 26].

Под диалектной картиной мира (ДКМ) мы понимаем систему традиционно-народных представлений о мире, имеющую нечеткий, во многом эклектический характер и отраженную в совокупности территориально-социальных коммуникативных средств. Главными функциями такой КМ следует считать классифицирующую,

интерпретативную и регламентирующую функции.

Представления о времени являются существенным элементом любой КМ, хотя преимущественно имплицитны и могут быть выявлены лишь при помощи лингвистического анализа соответствующих языковых фактов с привлечением этнографических и культурологических данных. При этом, на наш взгляд, будет более правильным говорить не о темпоральном фрагменте (или сегменте), что подразумевает частный характер временной координаты, а о темпоральной основе картины мира.

Основными модусами времени являются прошлое, настоящее и будущее. Каждый из них имеет диалектную специфику. В рамках данной статьи обратимся к рассмотрению и сопоставлению представлений о прошлом и будущем, существующих в языковом сознании современных диалектоносителей и отраженных на лексико-фразеологическом уровне. Основной фактический материал был извлечен нами из записей диалектной речи сельского населения юга Тюменской области (окающие старожильческие говоры). Для сопоставления привлекались говоры и других территорий.

“Пространство” прошлого широко и многообразно. Лексика со значением прошлого времени занимает значительный участок диалектного словаря по сравнению с лексическим и фразеологическим выражением настоящего и будущего времени. Нами зафиксировано 62 единицы (слова и ФЕ) с этим значением (без учета вариантов) и около 280 контекстов их употребления. В процентном выражении это составляет соответственно 8 и 5,6 %. Прошлое становится своеобразным эквивалентом познания мира. Это объясняется восприятием человеком хода времени, его асимметрии. Уже происшедшие события зафиксированы в сознании, в памяти, они чаще становятся предметом беседы, особенно в речи пожилых людей – диалектоносителей. Следствие этого – не только обширность “территории прошлого”, но и большая частотность лексем с указанным значением в речи. По мнению многих исследователей, на-

ше интуитивное представление о времени парадоксально. Это весьма наглядно отражается в языке в виде оппозитивности темпоральных показателей. “Построение языковой системы времени человеком основано на рефлексии, объектами которой выступают объекты текущего и предшествующего восприятия – именно поэтому языковое время во многих языках мира формировалось как система бинарных противопоставлений (т.е. настоящее/прошедшее), отражающая сферу человеческого опыта” [6, 19]. По свидетельству Б.А. Успенского, существуют языки, в которых различается прошедшее и “непрошедшее” время, то есть при наличии категории времени прошедшее время выделяется обязательно, а будущее – далеко не всегда. [17]. Это одно из проявлений асимметрии темпоральных обозначений в языке. Кроме указанных, имеются и другие оппозиции. По мнению И.А. Попова, в области отражения прошлого “имеют место две главные семантические оппозиции: наречия со значением давно (длительное время тому назад) и наречия со значением ‘прежде, раньше’ ” [13, 73]. Мы выделяем ряд противопоставлений, в результате реализации которых формируются определенные подклассы, характеризующиеся набором дифференциальных признаков. Данные объединения слов образуют иерархическую структуру. Семантические оппозиции следующие:

- 1) соотношение с моментом речи – соотношение с другим событием;
- 2) время, фиксированное по моменту речи, делится на определенное время в прошлом – неопределенное время в прошлом;
- 3) определенное время делится на “задолго до момента речи” – “незادолго до момента речи” (давно – недавно);
- 4) точно указанное время – неточно указанное время.

Рассмотрим соответствующие подклассы (наш материал дает их 4).

1. Указание на прошлое время вообще (неопределенное). Базовая лексема – *раньше*. Сюда относятся также лексемы *старое, ранешное, прежнее, ране, прежде, прежде, допрежь, допрежней, прежний, прошлый, ранешный*, а также словосочетания *ранешни года, старое время*. Например: *Старое всегда больше поминается. // Про ранешно и говорить не будем. // Раньше семь деверей и семь снох вместе жили. // Прежде не така жизнь была. // Ране так не мёрли. // Носили кокошники прежны-то. // В ранешни года, не знаю, были врачи или нет. // Это в допрежнее времё было*. Слова имеют широкий

семантический объем – указание на прошлое вообще. Однако в речи данные лексемы чаще всего употребляются с особым коммуникативным заданием: как правило, они относятся к другому жизненному укладу, который сопоставляется (эксплицитно или имплицитно) с существующим в настоящее время. Об этом свидетельствуют почти все зафиксированные контексты: *Я ранешна... В колхозе дня не рабатывала. // Про ранешну работу вспомнишь, так слёзы ручьём. // Начнёшь про прежно рассказывать, а он (сын): хватит, уже надоело. // Ранешны-то люди были, от их всё и пошло. // Ране мужики были больши, а теперь бабы над мужиками больши. // Ранешного-то почти ничего не осталось*. Подобным образом могут характеризоваться и предметы: *Ранешна прялка, не с колесом. // Сарафан-от ранешной, широкушкой*. Несколько иной оттенок значения приобретает данная лексема в контексте рассказа о старообразцах, и поныне живущих в данной деревне: *У ранешних – из ковшика не дают напиться*. Его можно определить так: “ортодоксальный, строго следующий традиции”. Ср. замечание об использовании наречия *прежде* в литературном языке: “В первом круге употребления *прежде* выражает идею временной границы, представление о предшествующей ситуации как локализованной в ином мире – в мире прошлого, других эпохах или периодах. (...) Очень часто слово *прежде* используется в контексте ностальгических воспоминаний об ушедших временах” [9, 326-331]. Как нам представляется, в говорах подобная коммуникативная задача реализуется при помощи использования любого из названных выше слов.

Все наречия образуют прилагательные (в отличие от литературного языка): *ранешний, прежный, допрежной*. Для прилагательного *ранешний* характерна особая сочетаемость, оно не является эквивалентом слова *прошлый*. Такова сочетаемость с наименованиями лиц: *ранешные женщины, ранешны люди, ранешный председатель*, например: *Ранешный-то председатель ни одного бы зарода (стог продолговатой формы) у нас не принял. // Ранешны люди, оне были здоровие*. Лексемы *старый, старина*, особенно в фольклорных произведениях, не всегда имеют значение далекого прошлого, могут обозначать просто прошлое. Ср.:

*Говорят, что я гоняюся
За старым дорогим,
Не гоняюся, а каюся,
Что я гуляла с ним.*

При этом субстантивированные прилагательные *старое, ранешное* и подобные, обозна-

чая прошлое вообще, все-таки отражают определенное дистанцирование от настоящего, обозначают скорее отдаленное прошлое, т.е. наблюдается неопределенность, диффузия семантики.

2. Указание на неопределенное время в прошлом, отделенное значительным промежутком времени. Основное обозначение – на-речие **давно** (**дамно**), а также диал. **дивно**. Кроме того, используются предложно-падежные конструкции со словом *старина*, прилагательные *старинный*, *давнишний*, *давнишний*, *древний*, *старопрежний*. Например: *Давно, я уж не помню, в каком году. // Вот уж я не скажу, потому что давно это всё было, и памяти-то, вишь, никакой. // Кабыть дождь направился, давно не бывало. // Это дивно уже, как перестройка сделалась, так и перестроились. // Я ить дивно ждала вас. // Старо, давнишно лучше помнится, а которо вновь – хуже. // Эта пословица давнишняя. // Давнишно помнишь, а настоящее в кою пору забудешь. Прилагательные *старинный* и *давнишний* часто характеризуют слова, а также человека: *Старинная говоря. // Слово старинное, с давних пор. // Я давнишна, много уж перенесла*. Лексема *старопрежний* имеет значение “древний, существовавший очень давно” (это одно из значений), что подчеркивается словообразовательной структурой – наличием синонимичных морфем. Слово отмечено в особой ситуации – при изложении легенды: *Рвали хлеб руками старопрежние люди*. Используется также общерусское наречие *давным-давно* с усилительной семантикой: *Колокола сбросили давным-давно*. Экспрессивный характер данной семантики порождает большое число ФЕ: *искон век* (*с искон век*), *на веках*, *из веку в век*, *исконвек веков*, *дивно время*, *при царе Косаре* (*при царе Горохе*). См.: *Исконвек веков – это издавно, давно. // Эти разговоры ешию при царе Горохе сказывали, ничё не сделает, хоть обещат*. (Форма *сказывали*, возможно, имеет значение плюсквам-перфекта.) Характерно наличие словосочетаний с корнем *век-*, с которым ассоциируется значение большого отрезка времени. Яркой формой обладает фразеологизм *когда я конём была*, зафиксированный в говоре с. Пятково Упоровского р-на: *Да это давно было, ещё когда я конём была*. Скорее всего, это фрагмент древней легенды о нескольких возрастах человека, ассоциирующихся с определенными животными. В семантической структуре некоторых лексем имеется сема “до настоящего времени”: *с давних пор*, *спродвеку*, *исконвековой*, *исконвечный*. Например: *Буфет-от у нас исконвековой, мненка уже девяностый год, а он был ещё у баушки мойей матери. // Исконвешные уж оне друзья*.*

Прилагательное *вековечный*, определяемое словарями литературного языка как “идуший из веков, извечный”, в исследуемых говорах имеет иное значение – “тот, который останется навечно”, т.е. представлено перспективное значение, а не ретроспективное, как в литературном употреблении. См., например, частушки:

*Двух милёнков забрала
Распроклятая война.
Вековечною кукушечкой
Осталась я одна.*

Подобное значение отражено у Пушкина: *Хорошо, коли найдется добрый человек, а то сиди себе в девках вековечной невестою*. (Капитанская дочка) Отсюда, вероятно, и происхождение слова *вековуха* – ‘старая дева’.

3. Указание на неопределенное время в прошлом – на небольшой отрезок времени. Базовое обозначение – **недавно**. По мнению В.З. Санникова, “наречие *недавно* допустимо в случае, если от описываемого события до момента речи прошло существенно меньше половины некоей единицы времени, устанавливаемой текстом или ситуацией” [16, 334]. Сюда входят лексемы *недавно*, *даве* (*давеча*), *оногдась*, *восеть*, *эттось*, *намедни*, *коевадни* (и их фонетические и словообразовательные варианты): *Недавно ведь начались пенсии. // Я недавно после аппендициту. Врач сказал: “Баушка, боле килограмму не таскай”. // Даича пришла, снова гудят* (комары). *// Оногдась хворала упеть. // Даве она миня гаркала. // Я эттось воды уж принесла. // У меня наомедни собаки задавили утку-ту. // В хорошей одежде приезжал коевадни. // Коевадьни даже мес* (мест) *не было*. В эту группу входят лексемы с корнем *дав-/давн-* (*недавно*, *даве*, *давеча* и под.) с приставкой *не-* и без нее. Особо следует отметить конструкцию *давно ли...* со значением “недавно” и с экспрессивной семантикой усиления. Например: *Откуль пыль берётся, давно ли я всё перехлапывала?* Кроме них, имеется ряд наречий древнего происхождения: *намедни*, *оногдась*, *восеть*, *коевадни*. Они (а также наречие *эттось*) имеют местоименное происхождение. Их форма значительно варьируется в русских диалектах.

Представляется интересным сопоставление наречий *намедни* и *коевадни*, которые восходят к древнерусским словосочетаниям *ономь дни* и *коего дьне* соответственно. Для первого можно предположить значение “в отдаленный день, давно” (ср. *во время оно*), а для второго – “в какой-то день”. В тюменских говорах древние различия в их семантике практически утрачены, обычно информанты дают им одно толкование – “на днях”. Однако иногда говорят о различном

употреблении, например: *Намедни – вчера, коевадни – за день раньше.* // Часто приводят присказку: *Коевадни – два дни, а намедни – один день.* В исследуемых говорах наречие *намедни* продолжает активно употребляться, а *коевадни* – почти вышло из употребления и отмечается лишь в архаическом слое говоров (у отдельных информантов): *Коевадни водилася с ихним робёнком-ту.* Зафиксирована также поговорка *Три дни намедни и два дни наководни*, иронично характеризующая непостоянного человека. (Ср. лит. *Семь пятниц на неделе.*) Здесь возможно обыгрывание устаревших наречий и форм существительного *день*.

Все указанные наречия свободно образуют имена прилагательные, сохраняющие основную семантику: *Недавнишная икона.* // *Про оногдашней случай боле не споминай.* // *Ономеднешно-то происшествие расскажи-ко, дева.* // *В коеваднишней день ты приехала, втупор буран был.* // *Котору жо ночь-ту я худо спала, да, надо быть, коеваднию.* Однако прилагательное *коевадней* имеет также значение “который по счету” (в сочетании с временным существительным): *Коевадней день ходит на рыбалку-ту.* // *Коеваднию уж субботу баню топит.*

Словосочетание *в последнее время* выражает ретроспективную оценку событий, сопоставление отдаленного прошлого с недавним, например: *Потом стали возить хлеб этот на лошадях, на машинах этих в последнее-то время.* // *У нас в последни-те года и вышли раздоры* (т.е. до этого все было хорошо).

4. Точно указанное (определенное) время в прошлом. Здесь в тюменских и в других русских говорах актуальным является обозначение прошедшего дня или прошлого года.

а) Прошедшие сутки. Прежде всего это наречие *вчера* (и его модификации): *Вчера упласталися, я пала и не могла подняться.* // *Вчерась таблетку выпила, дак немного отлегло.* // *Вот и вчерась, долго бродила была в лесу.* Для обозначения частей прошедших суток используются наречия с суффиксом *-сь(-ся)*, который восходит к указательному местоимению *Сь* и сохраняет значение “этот”: *утрось, вецёрось, ночесь.* Отметим явное отсутствие одного звена системы, т. е. наречия *днесь*. В наших говорах оно не фиксируется, хотя имеется в территориально близких уральских диалектах. Вероятно, оно могло исчезнуть в результате омонимического отталкивания с наречием *днесь* в значении “сегодня”, хотя последнее в современных говорах (изучаемых нами) также отсутствует. См. примеры: *Здря ты утрось напылил* (вспылил, накричал), *в кармане я у те не шарилася.* // *Вещёрось*

– это ночь прошла. Вецёрось у сватти Авдотьи свет горел. // *Квашню-ту ишию вецёрось замесила.* // *Ночесь катер прошёл.* // *Ночесь блазилося* (чудилось) *ему, вот до чё допил.* Весьма актуальным для диалектоносителей является обозначение вечера прошедшего дня – наречие *вечёр* частотно в изучаемых говорах: *Вечёр пришла со слезами.* // *Вечёр сын ходил к ним, принёс банку* (молока). Отмечаются также производные прилагательные: *Утреишно молоко сами выпивали, а вецёроишно сдано – закуп.* Позавчерашний день обозначается наречием *третьеводни*, например: *Ходил третьеводни по ягоды.* // *Не вчерась, а третьеводни.* // *Третьеводни – это позапрошлый день, так говорили.* // *Вчерась и третьеводни вся росслабелая была, лежала всё.*

б) Прошлый год. Основные обозначения – наречия *лони* (*лонись, лонися*), характерные в основном для севернорусского наречия, и *летось*, отмечаемое в южнорусских говорах. Например: *Лоне приезжали.* // *Лонись приносила чернику* (чернику). // *Дочь-то уехала лонись, жду-от на это лето.* // *Лонися ногу-ту порезал, лезвиём у литовки.* Возможны словосочетания *прошлый год* и *в прошлом году*, а также *того году* и *в том году*. От наречий образуются прилагательные: *лонской, лонешной, летоишней, прошлогоднешной*: *Лонской орех-от стал чернеть.* // *Лонешну картошку до сентября едим.* // *Летоишна мука у меня ешию есть* // *Телёнок прошлогоднешний.* // *Дрова-те ишию прошлогоднешны остались.* Отмечено также тавтологическое прилагательное *летоино-прошлогодной* ‘относящийся к лету прошлого года’: *Вареньята у меня ещё летоино-прошлогодного внога в погребу стоит.* Как правило, при помощи данных прилагательных характеризуются продукты, съестные припасы или что-либо заготовленное впрок, а также домашние животные, родившиеся в истекшем году. Кроме того, они употребляются в сочетании с существительным *год*.

В изучаемых говорах широко распространены наречия, называющие конкретный сезон прошлого года: *зимусь, летось, осенесь, вёснусь*, не имеющие лексических эквивалентов в литературном языке. Они образуют систему и корреспондируют с системой названий прошедших суток, употребляясь зачастую в бытийных высказываниях. См. примеры: *Зимусь тёпло было, менятся вся погода-та.* // *Летося в Тавде были.* // *Осенесь не было брусники.* // *Вёснусь, в вёшну пору, в талису* (в распутицу) *шол домой по лесу...* При этом наречие *летось* употребляется довольно редко (ср. с отсутствием в нашем материале наречия *днесь*). Можно предположить,

что причиной этого стало омонимическое отталкивание: слово *днесь* могло сохранять архаическое значение “сегодня”, а *летось* – “в прошлом году”, т.е. оба эти наречия имели более широкое значение. Прилагательные *зимушной, осенешной*: *Барашек-от зимушной, ещѣ рано колоть. // Зимушного телѣночка роишу, тѣлкой уж ладится. // Осенешной стожок вывезли, сено-то как живое. // Осенешны грузди-те остались.* Наречия с суффиксом -сь (-ся), отсутствующие в литературном языке, представляют собой лексикализацию соответствующих понятий и в определенном смысле близки к безэквивалентной лексике, обнаруживающейся при межъязыковом сопоставлении. Такая лексика легко интерпретируется в качестве существенного компонента картины мира, а в данном конкретном случае указывает на разработанность, а следовательно, значимость для диалектоносителя ближайшей ретроспективы. Кроме того, таким путем устраняется омонимия, имеющая место в литературном употреблении. Так, наречие *зимой* может обозначать и “текущей зимой” и “зимой вообще, зимами”, что, кстати, не отражено в таком авторитетном издании, которым является МАС. В говорах же эти значения разведены, им соответствуют отдельные лексемы.

Позапрошлый год (или что-то, относящееся к позапрошлому году) обозначается при помощи словосочетаний *третьего году, в третьем годе, в позалетейном году, позалетошной год, позалонишной*, отмечено также сочетание *третьей зимой*. Это корреспондирует с обозначением позавчерашнего дня: *Третьего году я ездила. // У меня в третьем годе операция была тяжѣлая. // А потом раз вот в прошлом годе али когда ли, в третьем годе, убрали (колхоз), скотину всю роздали. // Третьей зимой, ух, снегу намело, день выскребал, всё замело. // Позалетошной год огурсов вногоросло. // Засуха позалетошной год была, дак пианисы худы росли. // Дрова-те хорошо горят, позалонишны дак, высохли. // В позалетейном году летом дождливо больно было, надо хлеб убирать, а кажинной день всё дожжы да дожжы.* Таким образом, здесь представлены две номинативные модели: а) с использованием порядкового числительного, когда настоящему времени (текущему году) приписывается первый номер, а счет осуществляется в ретроспективном направлении; б) с использованием сложной приставки *поза-*.

Для номинации прошлой недели или месяца не отмечено специальных лексических средств. Они могут определяться сочетаниями *на той неделе, в том месяце*, что является примером своеобразной омоантонимии, т. к. могут обозна-

чать как предшествующую неделю (месяц), так и последующую. Средством различения служит глагольная форма в предложении.

В говорах так же, как и в литературном языке, прошлое может метафорически осмысляться. (Заметим, что сами субстантивы *прошлое, прошедшее* уже являются языковыми метафорами.)

Здесь выделяются следующие направления переноса:

а) Прошлое – вода, чаще всего глубокая. На это прямо указывает использование прилагательного **глубокий**: *глубокая раность, глубокие года*. Например: *Глубокой раности я не помню. // Долго ли сунуться-та, глубоки года пришли.* Ср. лит. *В глубь веков, глубокая древность*. В то же время это является свидетельством использования вертикальной оси времени. Возможна ассоциация с “ушедшей” водой: *Было, да сплыло. Прожитое что пролитое – не воротить.* (Посл., Даль.) Это реализация универсальной метафоры время – вода, однако параметрический признак **глубокий** актуализирует семы “значительный по размеру, большой” и “недоступный восприятию (зрительному)”. Н.Г. Брагина считает возможным говорить о “неподвижности” прошлого, т. е. утрате метафор движения. Однако наш материал не дает оснований для подтверждения этого наблюдения.

б) Прошлое – нечто, поросшее травой (мохом). *Было, да прошло, да бьльѣм поросло.* (Посл.) *Далѣкая пора, старина. Мохом поросло, не видать.* (Посл., Даль.) *Много травыросло и воды утекло.* Здесь трава, растительность выступает в качестве видимых следов течения времени, а также является символом забвения. В последнем примере налицо тождественность двух метафорических переносов.

в) Прошлое – нечто, удаленное пространственно и поэтому не доступное зрительному восприятию. *Не страшны злыдни за горами* (о прошлом). (Посл., Даль.) См. также функционирующие в томских говорах лексемы *далѣко* и *дальность* в значениях ‘давно’ и ‘давно прошедшее, далекое прошлое’ соответственно, а в архангельских говорах – *дальный* со значением ‘старый, древний’: *Я уж очень дальная, до колхозов жила.*

Таким образом, прошлое как область отражения пережитого опыта, воспоминаний чрезвычайно важно для любого человека и социума в целом. Значение прошлого особенно велико для традиционного общества, где опыт имеет особую ценность в силу повторяемости основных элементов существования. Однако и совре-

менное общество нуждается в его закреплении и определенном использовании. Как пишет Н.Г. Брагина, “к прошлому апеллируют как к некой реальности, очевидной истине. То, что хранится в памяти, несет на себе печать истинности” [1, 11]. В традиционной культуре отсутствуют некоторые материальные формы сохранения прошлого (памятники, музеи), хотя в рамках семьи, рода могут храниться старые вещи. Тем большее значение приобретают формы нематериальные: обычаи, ритуалы, а также вербальные средства. Особая направленность в прошлое (пассеизм) является важной характеристикой мировоззрения носителя традиционной культуры. (Ср. с данными В.В. Ивановой [4], что в русском паремиологическом фонде имеется значительное количество пословиц о прошлом, более чем в два раза превышающее число соответствующих пословиц в английском языке.) Вместе с тем ценность прошедших событий сочетается в традиционной культуре с ироническим отношением к далекому, почти неразличимому прошлому. При этом в некоторых идиомах косвенно утверждается ценность настоящего, его свобода от “груза прошлого”. Например: *Что было, то прошло (и быльём поросло); Быль молодцу не укор.*

Основным семантическим признаком, позволяющим метафорически представлять прошлое (главным образом, далекое) в народном языке, является признак затрудненного визуального восприятия. Этот признак может сблизжать прошлое и будущее в русском языке вообще (напр., выражение *туманное будущее*), хотя это принципиально разные объекты восприятия и осмысления. Прошлое неясно в силу особенностей человеческой памяти, а будущее просто неизвестно, его черты лишь прогнозируются с различной степенью вероятности. Очевидно, генеральной метафорой прошлого в русском языке является вода, а будущего – воздух (туман). Кроме того, прошлое и будущее объединяются в сознании при помощи пространственной метафоры – удаленности (*далекое прошлое – отдаленное будущее*).

Представления о прошлом отражены в языке в виде обширного семантического пространства, потенциально бесконечного. Оно, с одной стороны, достаточно четко структурировано, что было показано в приведенном выше описании. С другой стороны, в ряде случаев выделенные нами оппозиции близки к нейтрализации. Это касается противопоставлений “давно – недавно” и “прошлое вообще – далёкое прошлое”. Как писал Б. Рассел, “то, что находится здесь и теперь, – живо, а то, что удалено, скрывается в

постепенно все более и более сгущающемся тумане” [15, 17]. Релятивный, относительный характер времени порождает “расплывчатость продолжительности прошедших временных отрезков, субъективное восприятие их длительности, диффузность семантики обозначающих их слов” [13, 88]. Размытость семантики, как известно, является яркой чертой диалектов, а также, вероятно, и других нелитературных форм языка. (О “широкозначности” и гиперонимичности просторечного слова говорит, в частности, А.Н. Еремин.) Таким образом, диффузность значения временной лексики еще более возрастает. Это приводит и к развитию энантиосемии (ср. высказывание В.И. Вернадского об энантиоморфности времени), и к неопределенности семантики наречий со значением “недавно”, и к утрате различий в представлениях о прошлом вообще и о далеком прошлом. Следует заметить, что полисемичность темпоральных обозначений присутствует и в литературном языке, что заставило Д.Г. Ищук [5] и Ф.И. Панкова [10] рассматривать темпоральные наречия не как собственно лексемы, а как ЛСВ. Е.И. Головаха и А.А. Кроник [2] объясняют это явление отражением в темпоральной лексике одновременно хронологического и психологического времени. Можно сказать, что языковое время одновременно и дискретно и континуально. Синкретизм временной семантики находит отражение и на словообразовательном уровне: значения “давно” и “недавно” выражаются при помощи одного корня *дав-/ давн-* : *давно, давношний – даве, давешной (=недавно)*. Следует отметить полисемантическую некоторых лексем, например, *раньше, вперед*, а также присутствие некоторых словообразовательных формантов в разных подклассах данного лексико-семантического класса. Это префиксы *с-, до-* и суффикс *-сь (-ся)*. Преобладают наречия, в отличие от литературного языка от них достаточно свободно образуются имена прилагательные, главным образом с суффиксом *-ин(ой)*.

Особая отмеченность прошедших суток (и их частей), а также минувшего года и его сезонов объясняется их значимостью в жизни диалектоносителя. Ср. замечание А.Я. Гуревича: “Временная ориентация в первобытном обществе распространяется лишь на непосредственное будущее, недавнее прошлое и на текущую деятельность, на явления прямого окружения человека, – за этими пределами события воспринимаются им более расплывчато и слабо координированы во времени” [3, 46].

Представления о прошлом (особенно отдаленном) порождают иррациональную модальность высказывания. Она выражается в использовании алогизмов (*искать вчерашний день*), имен мифологических существ (*аредовы веки*) или пародийных персонажей (*при царе Горохе / Косаре / Копыле*). Далекое прошлое соотносится также с демоническими существами: *Когда? – А когда черт по лыки в лес ходил.* (Посл., Даль) Эти факты можно трактовать как сохраняющиеся в языке реликты мифологического времени. Семантика прошедшего времени имеет отчетливую параллель с семантикой отдаленного пространства. Это один из самых ярких случаев пространственно-временного параллелизма. Ср.: “В идиомах с пространственным значением типа *у черта на рогах (на куличках), куда Макара телят не гонял* и под. типовое представление о пространственных координатах имеет диффузное значение, указывающее как на чрезмерную отдаленность, так и на неизвестность пространственных координат, что служит поводом для оценки” [18, 163]. Однако если в случае пространственной локализации подобные обозначения вызывают неодобрительное отношение, то при темпоральной локализации – скорее ироническое.

Лексическое выражение будущего времени в изучаемых говорах достаточно своеобразно. Прежде всего отметим, что план будущего вообще (т. е. и грамматическое и лексическое его выражение) в диалектных текстах отмечается сравнительно редко. Так, из выборки в 1000 предложений, имеющих темпоральные определители, предложения, отражающие план прошлого, составляют 42,5 %, план настоящего – 31 %, план будущего – всего 5 %. Даже если принять во внимание предложения, в которых совмещается план будущего с отражением других модусов времени (9 %), то и тогда очевидно, что будущее гораздо менее актуально для диалектоносителей.

По сравнению с данными литературного языка (см. словари “Лексические минимумы современного русского языка” под ред. В.В. Морковкина и “Идеографический словарь русского языка” О.С. Баранова и др.) набор соответствующих лексем в говорах немногочислен (11 единиц). В объеме диалектного материала это составляет 1,5 %. Это слова и сочетания *будущее, завтра / завтра, утре, на завтра, завтрашний день, скоро, вперёд, дале, на будущий год, на прок, к опослему*. Количество контекстов их употребления – около 60. Наиболее частотным является общерусское *завтра*. Например: *Завтра лук надо садить. // Я завтра в Укту на*

обидёнку (на один день, без ночевки) поеду. Возможно употребление данного наречия в обобщающем смысле, т.е. для обозначения будущего вообще, как правило, при употреблении лексемы *сегодня* в значении “в настоящее время”: *Глаза хоть сегодня закрывай, хоть завтра. // Сегодня вёдро, а завтра дощ, надо урвать каждый час*. Наречие *на завтра* имеет примерно то же значение, что и *завтра*, однако употребляется в высказываниях нарративного режима, тогда как *завтра* используется главным образом в свободном дискурсе. Например: *Вечер как отошоу, на завтра к венцу – придано привозят, потом венчатца. // Мужа сегодня судили, а на завтра у меня сын родился. // На завтра была уже повальная мобилизация*. Специфически диалектным является обозначение *утре* со значением ‘следующим утром’: *Ты утре можешь уехать на автобусе. // Утре посажу помидоры*. Наречия *скоро*, а также *сейчас* (последнее в диалоге или при передаче чужой речи) обозначают ближайшее будущее, которое, впрочем, также оценивается субъективно и может обозначать (в зависимости от ситуации и темы сообщения) промежуток от нескольких минут до нескольких лет. *Скоро отбуст, морозы начнутса. // Стары уж, скоро сунемся. // Управлять скота счас пойду*. В языке фольклора отмечена редупликация наречия *скоро*, усиливающая экспрессию. Например:

*Скоро-скоро забуранит,
Скоро-скоро заметёт.
Раскулачены поедут,
Их машина повезёт.*

Ряд обозначений отражает языковые пространственные метафоры (будущее предстает как нечто, находящееся впереди): *вперёд, дале. Дадут двадцать тысяч (пенсию): и ешь, и пей, и вперёд береги. // Чё дале будёт, а пока сынок от покористой*. Связь представлений о будущем с представлениями о временном следовании (относительном времени) отражена в наречном сочетании *к опослему*: *Это я оставлю к опослему*. Особого внимания заслуживает наречное сочетание *напрок*. В формальном плане оно является вариантом общерусского *впрок*. Однако семантика отличается от литературного значения – ‘на будущий год’: *Напрок надо дрова пилить, не хватит ведь. // Напрок уж крышу-ту перекроёшь*. Вероятно, это сохранение архаичного значения.

План будущего может выражаться в высказываниях и исключительно грамматическими средствами – прежде всего глаголами в форме будущего времени. При этом могут использоваться темпоральные определители *к вечеру, к*

осени, на осень, к субботе и под., а также наречия с семантикой времени года и наименования праздников. См.: *Ушлёпаюсь с ними* (внуками), *к вечеру, как свинья, в гайно ляжу*. // *Топеряшина трава будет засыхать к осени*. // *На осень поедёт на прахтику* (внук), *на шесь месяцев*. // *Осенью опёнки пойдут*. // *Ещё в Троицу иней ударит*. Употребительно также наречие *сроду* в значении “никогда”. См.: *А в избе-то как обиходно у меня, сроду соринки не найдёшь*. // *У меня соседка была, ох и хлопуща* (врунья), *сроду правду не скажет*.

Итак, будущее характеризуется меньшей представленностью в говорах и соответственно имеет меньшую актуальность. Насколько эта черта является общерусской, судить пока трудно, хотя есть данные о том, что план прошлого преобладает в русском языке вообще. Будущее время в естественных языках всегда занимает более периферийное место (см. примечание к [7]) и является сравнительно поздним образованием. Наиболее представленным в нашем материале является обозначение временной координации в пределах ближайших суток. Семантическая диффузия в данном классе проявляется незначительно.

Причины такой “непроявленности” будущего времени очевидны. Это время планов, прогнозов, экстраполяции, время, имеющее максимально абстрактный характер. Как пишет философ, “будущее – еще не время, а возможность времени, единственное предполагаемое время не(до)осуществленности, не(до)мыслимости и не(до)бытийности” [8, 129]. В изучаемых говорах не зафиксированы лексемы *грядущий, наступающий, надвигаться* и под., то есть не представлена двигательная модель будущего.

Неопределенное будущее (“когда-нибудь, неизвестно когда”), близкое по смыслу к “никогда”, порождает ирреальную модальность, а также семантику неодобрения. См., например, фразеологизм *когда рак на горе свистнет* или пословицу *На то лето, не на это, а на третий год, когда черт умрёт*. Эта модальность сближает далекое прошлое и отдаленное, неопределенное будущее.

По мнению Г. Рейхенбаха, “информационное” различие между прошлым и будущим – это не различие между знанием и незнанием, а различие в методах, при помощи которых мы получаем сведения о прошлом и будущем. Основные “методы”, применяемые по отношению к будущему, – это планирование, прогнозирование (как рациональное, так и иррациональное), предвидение и предчувствие.

Наш материал свидетельствует о том, что в среде диалектоносителей преобладает прогнозирование, о чем говорит наличие в народной культуре большого количества разнообразных примет. Такое прогнозирование во многом основано на иррациональном подходе, лишено планомерности и целеполагания. При этом оно свидетельствует о целостности диалектной картины мира, единстве мироздания в традиционной народной культуре.

Таким образом, основным временным планом в диалектных текстах остается план прошлого, при этом главной оппозицией является “прошлое – настоящее”, где наблюдается их тесная связь, взаимная ориентация и сопоставление. Метафорически наиболее близкими оказываются прошлое и будущее, особенно отдаленные, что порождает ирреальную модальность.

В диалектной картине мира время занимает более скромное место по сравнению с мировидением современного носителя литературного языка, оно менее динамично. Тип национальной культуры, отраженный в современных диалектах, – это культура цивилизации индивида, или родового человека (в терминах философов А.В. Пелипенко и И.Г. Яковенко [10]). Ее характеризуют такие архаические черты, относящиеся к области темпоральной референции, как “близкая перспектива времени”, отсутствие представления о последовательной смене эпох, приблизительность, пассаизм. В более общем смысле следует говорить о неагентивности обобщенной диалектной личности, а также о ее сравнительно широком “личном пространстве” и более узком “личном времени”. В то же время материалы говоров демонстрируют некоторые отступления от норм традиционного общества.

Рецензент – В.Б. Кашкин

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагина Н.Г. Память и прошлое: языковые образы, культурные практики/Н.Г. Брагина//Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 2003. – т.62. – №5. – С. 3-13.
2. Головаха Е.И. Психологическое время личности/Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984. – 208 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры/А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
4. Иванова В.В. Концепт времени в пословичной картине мира/В.В. Иванова// Вестн. СПбГУ, 2003. – Сер.2. – Вып.1. – С. 26-31.

5. Ищук Д.Г. Лексико-семантическое поле как выражение концептуальной модели времени в языке: Автореф. дис. канд. филол. наук/Д.Г. Ищук. – СПб., 1995. – 16 с.

6. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке/А.В. Кравченко//Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1995. – Т.55. – №3. – С. 3-24.

7. Мельчук И.А. СЕЙЧАС и ТЕПЕРЬ в современном русском языке/И.А. Мельчук // Русский язык в модели “Смысл – Текст”. – Москва – Вена: Школа “Языки русской культуры”, Венский славистический альманах, 1995. – С. 55-79.

8. Неретина С.С. Средневековое мышление как стратегема мышления современно-го/С.С. Неретина//Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 122-150.

9. НОССРЯ. – т.1. – С. 326-331.

10. Панков Ф.И. Наречная темпоральность и ее речевые реализации: Автореф. дис. канд. филол. наук/Ф.И. Панков. – М., 1996. – 20 с.

11. Пелипенко А.А. Культура как система/А.А. Пелипенко, И.Т. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.

12. Попов И.А. Наречия со значением “недавно, некоторое время тому назад” в русских народных говорах/И.А. Попов// Диалектная лексика. – Л., 1978. – С. 146-163.

13. Попов И.А. Наречия со значением “давно”, “прежде” в русских народных говорах/И.А. Попов//Диалектная лексика. – Л., 1979. – С. 72-89.

14. Радченко О.А. Диалектная картина мира как идеоэтнический феномен/О.А. Радченко, Н.А. Закуткина. – Вопросы языкознания. – 2004. – №6. – С. 25-48.

15. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы/Б. Рассел. – Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1997. – 560 с.

16. Санников В.З. Об одном виде семантического согласования в русской фразе/В.З. Санников//Язык: изменчивость и постоянство. – М.: ИРЯ РАН, 1998. – С. 329-336.

17. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты//В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 286 с.

18. Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема)/Б.А. Успенский. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: В 2 т. Т.1. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – С. 9-70.